

Лян Е, приняв удар в живот, не только не разозлился, но даже довольно усмехнулся, и уголки его губ изогнулись в довольной дуге:

— Я не жалел сил, чтобы прийти и вызволить тебя из беды, а ты сам с утра согласился на укусы. Теперь же злишься? Пожалуй, я слишком тебя избаловал, раз ты перестал знать границы.

Ван Дянь, пылая от гнева, прошипел сквозь зубы:

— Я согласился, но снаружи столько народу! Обязательно было выбирать именно такой момент?!

— Ты сам виноват, что по глупости угодил в чужую ловушку, — Лян Е ничуть не смутился. Он приподнял подол его одежды, провел рукой и рассмеялся: — Хм, а антидот действует так медленно. Или это у тебя такой природный дар?

Ван Дянь чувствовал, что его голова вот-вот взорвется. Он не сводил глаз с губ Лян Е, которые то открывались, то закрывались, и на которых еще виднелась его кровь. Каждое слово, слетавшее с этих уст, лишь подливало масла в огонь, и прежде чем он успел осознать свои действия, он уже впился в Лян Е, схватив его за подбородок.

Он был в ярости. Этот безумец не боялся боли и не заботился о чувствах других, вечно дразнил его, а потом с легким видом оставался в стороне. Его невозможно было победить в драке, с ним невозможно было договориться — он доводил до белого каления, и управы на него не было. Черт возьми, с какой стати?!

Ван Дянь вложил в этот поцелуй весь свой гнев. Точнее, это был вовсе не поцелуй, а грубая, кровавая месть. Пользуясь тем, что Лян Е опешил, он с силой надавил на его кадык, заставляя открыть рот, и, словно захватчик, ворвался внутрь, пригвоздив его к скале и сжимая в объятиях.

Лян Е поначалу замер, по привычке пытаясь отстраниться, но быстро сориентировался и, тяжело дыша, попытался ответить тем же.

Ван Дянь не дал ему такой возможности. Он крепко ухватил его за затылок, заставляя отступить, и, склонившись, прошептал прямо в ухо, голос его звучал хрипло:

— У меня действительно природный дар. Если такой смелый — попробуй сам, придурок.

Уши Лян Е были столь же чувствительны, как и у него самого. Он хотел было увернуться, но в то же время не желал отстраняться. Обняв Ван Дяня за талию, он прильнул к его шее, и в его голосе зазвучало едва сдерживаемое возбуждение:

— Укуси еще и за другое ухо.

— ...Черт! — Ван Дянь помолчал пару секунд, а потом выругался сквозь зубы.

Лян Е, прислонившись к скале, улыбался обольстительно и порочно. Они стояли так близко, что их дыхание смешивалось. Он коснулся кончиком носа кончика носа Ван Дяня, и в его глазах промелькнуло искреннее недоумение:

— Антидот перестал действовать? У меня есть еще одна таблетка, не стоит так тыкать меня в бедро.

— Оставь себе, — Ван Дянь приподнял веки, бросил на него взгляд, выдернул подол из его рук, поправил сбившуюся одежду и, сохраняя ледяное спокойствие, вышел из грота.

— Юнь Фу, проводи этих девушек в зал Вэйян. Юйин, пригласи лекаря Ли. Я хочу посмотреть, кто посмел выставить напоказ такие грязные методы! Возвращаемся! — гневный голос Ван Дяня разнесся за пределами грота, а следом послышались испуганные всхлипы девушек и строгие окрики евнухов.

Лян Е опустил взгляд на свои полы, посмотрел на таблетку антидота в руке и, словно конфету, разжевал ее.

Когда Чун Хэн нашел его, тот сидел на вершине искусственной горы, подставив лицо ветру.

— Кажется, я тоже принял приворотное зелье, — первая же фраза Лян Е заставила Чун Хэна едва не свалиться с высоты.

— Даже антидот не помогает, — нахмурился Лян Е.

Когда Лян Е сохранял бесстрастное лицо, он казался далеким и холодным, но Чун Хэн не боялся его и, найдя свободный камень, присел рядом:

— Господин, почему у вас губы опухли? Даже кровь выступила.

— Все равно не поймешь, — Лян Е коснулся пальцами губ. — Ты когда-нибудь целовал свою жену?

Белоснежное лицо Чун Хэна мгновенно залилось краской, и он заикаясь ответил:

— Н-нет! Наши чувства ограничены приличиями! Я... я никогда не ц-целовал ее.

Лян Е коротко усмехнулся, смакуя воспоминания, и произнес:

— Книжные романы и правда невероятно скучны.

— А? — Чун Хэн растерянно посмотрел на него.

— Ван Дянь распускал руки, — лениво бросил Лян Е. — Просто неслыханная дерзость.

Чун Хэн немного помялся:

— Но вы, господин, тоже часто так делаете.

— Я никогда не позволял себе лишнего. Это он каждый раз, набравшись наглости, лез ко мне,  
— Лян Е вздохнул. — Я проявлял терпение, а он лишь наглел все больше. Крайне бесстыдное поведение.

Чун Хэн, видимо, о чем-то вспомнил, так как покраснел еще сильнее:

— Господин, а вы любите его?

— Разумеется, я его очень люблю, — Лян Е посмотрел на него как на умалишенного. — Если бы он не был моей собственностью, давно бы уже восемьсот раз отправился на тот свет.

Чун Хэн смущенно пробормотал:

— Господин, Ван Дянь не вещь. И я имел в виду не такую любовь, а другую...

Лян Е брезгливо посмотрел на него:

— Любовь — это пустое и призрачное понятие. Только такой глупец, как ты, может принимать это всерьез.

Чун Хэн почесал затылок:

— А мне кажется, это неплохо.

— Мне кажется, Ван Дянь стал плохо слушаться, — внезапно улыбнулся Лян Е.

— Разве он когда-то слушался? — удивился Чун Хэн.

Лян Е повертел в пальцах лезвие и спрыгнул с горы.

— Господин, вы куда? — Чун Хэн поспешил следом.

Лян Е радостно ответил:

— Пойду отрежу Ван Дяню язык.

\*\*\*

В зале Вэйян десяток девушек дрожали, стоя на коленях. Некоторые, особо впечатлительные, уже упали в обморок.

Ван Дянь сидел на главном месте, лицо его было темнее тучи. Слуги рядом боялись даже дышать. Лекарь Ли убрал ящик с лекарствами и доложил:

— Ваше Величество, это сильное возбуждающее средство, завезенное из Лоуфаня. Даже одной капли достаточно, чтобы лишить мужчину рассудка, а при частом употреблении оно вызывает тяжелую зависимость. Еще при прежнем императоре оно было запрещено...

Цуй Мими, бледная как полотно, стояла на коленях в первом ряду, сжимая рукава.

— Цуй Мими, ты юная девушка, еще не вышедшая замуж. Где ты взяла это зелье? И кто приказал тебе использовать его против меня? — Ван Дянь посмотрел на нее сверху вниз, смягчив тон. — Если назовешь имя того, кто стоит за этим, я не стану тебя наказывать.

Цуй Мими с тоской подняла на него глаза, затем ее взгляд переместился на колонну рядом и внезапно застыл.

— Остановить ее! — рявкнул Ван Дянь.

Юйин, стоявший поблизости, среагировал молниеносно и перехватил девушку, которая собралась удариться головой о колонну. Цуй Мими закричала:

— Отпустите! Я лучше умру, чем подчинюсь этому тирану! Безумец! Семья Цуй не оставит тебя в покое! Тиран!

Остальные девушки разрыдались от страха.

Взгляд Ван Дяня потемнел. Вдовствующая императрица составила отличный план: если бы с Цуй Мими все вышло, она могла бы родить ребенка с кровью клана Цуй, и тогда Лян Е стал бы отработанным материалом. А если нет — слухи о том, что Лян Е из похоти довел девушку из клана Цуй до самоубийства, вызвали бы ненависть всего народа. Это был беспроигрышный план, где единственной жертвой становилась Цуй Мими.

Глядя на этих четырнадцати-пятнадцатилетних девушек, он понимал, что с того самого момента, как Ян Мань отправил их в пруд Яотай, их судьба была предрешена.

Ван Дянь почувствовал отвращение — к Ян Маню, к Цуй Юйсянь и, прежде всего, к этой прогнившей, людоедской феодальной системе, где жизни юных девушек, не способных распоряжаться своей судьбой, приносятся в жертву ради власти.

— Сегодняшний инцидент — лишь следствие моего приступа головной боли, — произнес Ван Дянь. — Что касается зелья, то это вина одной лишь Цуй Мими, остальные ни при чем.

Девушки с недоверием смотрели на него.

— К тому же, через пару дней будут объявлены результаты экзаменов. Я велю отправить вас домой, и вскоре дарю вам согласие на брак, пусть семьи готовятся. Есть возражения?

— Ваше Величество... благодарю за милость! — громко промолвила одна из девушек, выглядевшая совсем юной. — Я буду каждый день переписывать сутры и молиться за ваше здоровье!

Только после ее слов остальные словно очнулись и, рыдая от благодарности, принялись кланяться. Ван Дянь спас им жизни, сохранил репутацию и помог устроить судьбу тех, кого семьи уже списали со счетов. В противном случае, после такого скандала их ждала бы либо принудительная смерть, либо монастырь до конца дней.

— Благодарю за дарованную жизнь, я, Янь Шу, никогда этого не забуду! — девушка, заговорившая первой, трижды ударила лбом об пол и вытерла слезы.

Ван Дянь задержал на ней взгляд:

— Юнь Фу, проводи их. Если кто спросит, знаешь, что отвечать?

— Слушаюсь, Ваше Величество, будьте спокойны, — улыбнулся Юнь Фу.

— А что касается Цуй Мими, — Ван Дянь на мгновение задумался, — я подозреваю тебя в сговоре с Лоуфанем и разглашении военных тайн империи Лян. С этого момента ты под домашним арестом в зале Вэйян, по возвращении в Даду я лично займусь этим делом.

Цуй Мими, только что готовая расстаться с жизнью, застыла на месте:

— Нет, я не... я просто... я просто использовала зелье...

— Откуда у юной девушки такое зелье! — Юйин, поняв намек, зажал ей рот и гаркнул: — Это снадобье производят только в Лоуфане! Ты давно в сговоре с ними, и если не ты, то твой отец или братья! Вы не только покушались на жизнь императора, но и совершили государственную измену!

Цуй Мими в ужасе затрясла головой, отчаянно сопротивляясь.

— Стража, связать ее и отвести в задние покои! Следить неотступно, чтобы не наложила на себя руки! — скомандовал Юйин.

Ван Дянь взглянул на нее и вздохнул:

— Все же она из семьи вдовствующей императрицы, мне невыносимо больно. Юйин, вели Вэй Ваньлиню взять людей и доложить обо всем императрице. Скажи, что я, как внук, не могу видеть, как она страдает, и оставляю решение за ней.

— Слушаюсь, — кивнул Юйин. — Может, стоит отправить побольше людей? Путь до Даду неблизкий, на улицах все узнают, стоит предупредить дом Цуй.

— Верно, — усмехнулся Ван Дянь, хотя глаза его оставались холодными. — Нужно дать императрице возможность проявить заботу, я чувствую себя виноватым.

— Ваша сыновняя почтительность достойна похвалы, вдовствующая императрица не станет вас винить.

Закончив с делами, Ван Дянь чувствовал себя опустошенным. После купания он хотел было прочесть текст для жертвоприношения, подготовленный министерством ритуалов, но, прочитав пару страниц, почувствовал, как от усталости разболелась голова.

Он прилег на стол, намереваясь лишь немного вздремнуть, но провалился в сон. Очнулся он от того, что к его лицу прикоснулось что-то холодное.

Лян Е вытащил текст жертвоприношения, мельком взглянул на него и небрежно отбросил в сторону:

— И что в этой ерунде интересного?

Ван Дянь, который еще днем сходил с ума, целуясь с ним, почувствовал неловкость. Принудительный поцелуй — не самый вежливый поступок. Он опустил глаза, к тому же он все еще злился и не горел желанием разговаривать.

Лян Е через стол ткнул его в уголок губ и заулыбался:

— Отвечай мне.

Ван Дянь всегда поддавался на ласку, но не на силу, поэтому ответил сухо:

— Это нужно читать во время церемонии. Если не знать текст наизусть, будешь запинаться, это повредит твоему образу.

Лян Е приподнял бровь, втиснулся на узкую кушетку и, словно лишенный костей, привалился к нему:

— Ты подставил Цуй Мими перед старухой, она теперь не оставит тебя в покое.

Ван Дянь хотел отстраниться, но места было слишком мало, поэтому он махнул рукой и

позволил ему прижаться к себе:

— Это она начала грязную игру, я лишь ответил тем же. К тому же, я не сказал ничего определенного, оставил пути к отступлению.

— Будь осторожен, если эта старая ведьма пойдет на крайние меры, ты можешь не выстоять, — Лян Е зевнул, прижимаясь к нему.

Ван Дянь взглянул на него:

— Хочешь спать — иди спи, мне еще нужно почитать.

Лян Е качнулся и, воспользовавшись моментом, положил голову на его колени, упершись ногами в подлокотник:

— Читай свое, не обращай на меня внимания.

Ван Дянь счел это слишком интимным, но вспомнил, что Лян Е и раньше часто спал, обнимая его, так что, может, ничего страшного. Несмотря на нежелание, он позволил ему остаться. Он взял свиток и внимательно прочел его, а когда опустил голову, Лян Е уже спал у него на коленях.

При трепетном свете свечи Лян Е выглядел спокойным, словно безумие покинуло его, а на губах все еще виднелся след от укуса.

Ван Дянь отвел взгляд, но внезапно что-то блеснуло. Он присмотрелся и увидел лезвие, зажатое между пальцами Лян Е.

Даже во сне не выпускает, не боится порезаться?

Он протянул руку, чтобы забрать лезвие, но едва коснулся пальцев Лян Е, тот мгновенно вскочил, схватил его за запястье и выкрутил руку, приставив холодную сталь к горлу Ван Дяня.

Все произошло так быстро, что Ван Дянь даже не успел осознать, что случилось. Он встретился взглядом с темными, глубокими глазами Лян Е, полными убийственного намерения и настороженности. У него не было сомнений — тот готов был убить его в любую секунду.

Затем Лян Е шевельнул губами, в его голосе слышалась сонная растерянность:

— Ван Дянь?

Ван Дянь невольно затаил дыхание:

— Я просто хотел забрать лезвие, опасно спать с ним в руках.

— О, — Лян Е убрал клинок, разжал пальцы, вложил лезвие в ладонь Ван Дяня и зевнул: — Я пришел сегодня ночью, чтобы отрезать тебе язык.

— !? — Ван Дянь посмотрел на лезвие в руке, и по его спине пробежал холодок.

— Может, сделаешь это сам? — Лян Е обессиленно прислонился к нему и, уткнувшись в шею, понюхал: — Я хочу спать.

Ван Дянь впервые в жизни по-настоящему захотел перерезать кому-то горло.

<http://bllate.org/book/21737/2247146>